УДК 821.113.6
ББК 83.3(4Шве)6

ТРИКСТЕР В ЛИТЕРАТУРЕ ШВЕДСКОГО МОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «КАРЛИК» ПЕРА ЛАГЕРКВИСТА)

© 2019 г. К.Р. Андрейчук

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 08 января 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-160-175

Аннотация: В статье рассматривается образ трикстера и особенности его интерпретации в шведском модернистском романе-мифе. Преимущественно анализируется роман Пера Лагерквиста «Карлик»; материал других романов («Прибой и берега» Э. Юнсона, «Варавва», «Сивилла», «Пилигрим в море» и «Улыбка вечности» П. Лагерквиста) является вспомогательным и приводится для иллюстрации повторяемости того или иного свойства трикстера в модернистском романе-мифе. Образ трикстера в модернистской литературе до сих пор не описан с достаточной полнотой, поэтому для анализа используется комплексный метод, с привлечением идей К. Юнга, когда речь идет об архетипических чертах трикстеров, П. Радина и Д.А. Гаврилова при анализе фольклорных корней образа; терминология М.М. Бахтина используется с большими оговорками, поскольку, хотя романам-мифам и свойственны черты мениппеи, карнавальность в них отсутствует. В статье доказывается, что лагерквистовские Карлик, Варавва, Агасфер и Джованни, юнсоновский Одиссей воплощают образ трикстера, который обладает новыми чертами, чем сильно отличается от трикстеров в фольклоре или в античной и средневековой литературе: модернистский трикстер несмешной (смеховая сторона редуцируется до минимума), рефлексирующий и философствующий (он не просто помогает выражению авторских идей, но сам отправляется на поиски ответов на вечные вопросы).

Ключевые слова: трикстер, мениппея, роман-миф, модернизм, шведская литература, Пер Лагерквист, Эйвинд Юнсон, М.М. Бахтин, К. Юнг, П. Радин.

Информация об авторе: Ксения Руслановна Андрейчук — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: enantiosemia@yandex.ru

Для цитирования: Андрейчук К.Р. Трикстер в литературе шведского модернизма (на примере романа «Карлик» Пера Лагерквиста) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 160–175. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-160-175

TRICKSTER IN MODERNIST SWEDISH LITERATURE (BASED ON PÄR LAGERKVIST'S NOVEL *THE DWARF*)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. K.R. Andreichuk

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 08, 2019

Date of publication: March 25, 2019

Abstract: The article examines the role of the trickster in the modernist Swedish mythological novel. The analysis is mainly based on Pär Lagerkvist's *The Dwarf*; I discuss other novels and short stories, such as Lagerkvist's *Barabbas*, *The Sybil*, *Pilgrim at Sea*, and "The Eternal Smile" as well as Eyvind Johnson's *Return to Ithaca* to illustrate the repeatability of certain trickster's features in the literature of Swedish modernism. Modernist trickster has not been hitherto thoroughly studied, that is why the methodology of the article is complex. It combines Carl Jung's theory of archetypes with Paul Radin's and D.A. Gavrilov's methodology employed to analyze the trickster's folklore origins. M.M. Bakhtin's terms are also employed but with reservations, because Swedish modernist novels, while sharing some features of the menippea, do not develop a carnivalesque worldview. The article demonstrates that Lagerkvist's Dwarf, Barabbas, Ahasuerus and Giovanni, as well as Johnson's Odysseus are indeed tricksters; however, they are very different from their predecessors in folklore, ancient, and medieval literature. The concluding part points out three main features of these new modernist tricksters: they are no longer funny or entertaining, they are self-reflective, and they are philosophers: not only do they help the authors to voice their ideas but they themselves go on a quest, seeking the answers to eternal questions.

Keywords: trickster, menippea, mythological novel, modernism, Swedish literature, Pär Lagerkvist, Eyvind Johnson, Mikhail Bakhtin, Carl Jung, Paul Radin.

Information about the author: Ksenya R. Andreichuk, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: enantiosemia@yandex.ru

For citation: Andreichuk K.R. Trickster in Modernist Swedish Literature (Based on Pär Lagerkvist's Novel *The Dwarf*). *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 160–175. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-160-175

Трикстер достаточно проанализирован как архетип (К. Юнгом [11]) и как фольклорный герой (П. Радиным [18] и другими, например, Д.А. Гавриловым [7; 8]), но в меньшей степени как литературный персонаж, в особенности не средневековый (описанный М.М. Бахтиным [6]), а модернистский, хотя материал для этого, безусловно, есть (так, Е.Н. Корниловой и А.С. Кузнецовым [11] убедительно показаны черты трикстера в главном герое «Жестяного барабана» Г. Грасса). Отсутствием достаточно полного описания особенностей модернистского трикстера, в частности трикстеров в шведских романах-мифах, определяется актуальность данной статьи.

Шведским романам-мифам свойственны многие черты мениппеи по М.М. Бахтину [5, с. 128–135]: в центре часто находятся известные исторические и мифологические персонажи (у П. Лагерквиста — обычно библейские), которые тем не менее способствуют выражению идей, совершенно отличных от идей текстового источника, или помещаются в новые, вымышленные сюжеты; философский поиск истины становится основанием для фантастического вымысла: «...герои <...> поднимаются на небеса, спускаются в преисподнюю, странствуют по неведомым фантастическим странам, ставятся в исключительные жизненные ситуации» [5, с. 129] и т. д.

Сразу оговоримся, что писать о бахтинской «карнавальности» шведского романа-мифа не приходится, поскольку в протестантской Швеции XX в., в шведской литературе, начиная от Лагерквиста и его современников, национальный фольклор занимает мало места [9, с. 100]: слишком велико значение христианства. Хотя черты трикстера, несомненно, присутствуют во многих персонажах шведских романов-мифов, образ трикстера в них не может рассматриваться как принадлежность сугубо скандинавской мифо-

логии и как ключевой образ национального мифа; напротив, он выступает как образ универсальный, свойственный самым разным мифологическим системам. По выбору материала Лагерквистом и другими шведами-модернистами очевидно, что шведскую литературу в это время интересует больше Античность (см. роман «Сивилла» или европейское Средневековье (романы «Карлик» и «Палач»), чем национальная мифология; современник Лагерквиста Эйвинд Юнсон в романе «Прибой и берега» тоже не пересказывает, например, национальные мифы об известном трикстере Локи, а, как и Джойс в «Улиссе», перекладывает «на современный лад» гомеровскую «Одиссею» [21; 22] (гомеровский Одиссей как трикстер описан неоднократно, впервые — профессором Джозефом Руссо, автором оксфордских комментариев к «Одиссее» [8; 18]; очевидно, что Одиссей, перекочевавший в модернистский роман-миф — тоже трикстер, причем в гораздо большей степени, чем у Гомера, лишенный героического ореола: так, рассказывая Полифему свою историю, Странник говорит о себе как о человеке по имени Утис (греч. Никто); будучи свидетелем создания мифа о самом себе во дворце Алкиноя, Одиссей осознает, что в героической песни о нем нет ни слова правды).

Даже если в некоторых романах Лагерквиста появляются карнавальные черты, на поверку оказывается, что это совсем не бахтинский карнавал: например, в романе «Варавва» огромное количество «уродов» (толстуха-любовница Вараввы, Заячья Губа...), однако это не «избыточное» тело, как на карнавале в бахтинском понимании, а тело «убыточное» (подробнее о проблематике телесного уродства у Лагерквиста см.: [17; 30]). Уродство у Лагерквиста не карнавально: это либо признак «угнетенного» героя, слабого и хрупкого [4, с. 109], либо, как карликовость в романе «Карлик», символ уродства души в соответствии с традицией шведской литературы до Лагерквиста [10, с. 191]. По причине отсутствия черт «карнавальности» в анализируемых романах мы не можем полностью опереться на терминологический аппарат Бахтина, как и не можем взять за единственную систему координат понимание трикстера Полом Радиным или Карлом Юнгом: потребуются большие оговорки, так как, как известно, они писали о фольклорном герое и архетипе соответственно, но не о литературном персонаже.

Роман Пера Лагерквиста «Карлик» 1944 г. [12; 27] — одновременно и злободневное антифашистское произведение, в котором под маской пове-

ствования об Италии эпохи Возрождения осуждается насилие власти во все времена, в том числе в современности, и философский роман о природе зла, о темной стороне человеческой души. В условно-историческом герцогском дворе правит не герцог, а его карлик: он, плетя интриги и используя свое совершенное знание худших сторон человека, подталкивает правителей к войне и распрям, способствует разоблачению и гибели юных влюбленных — единственных положительных персонажей в романе, пародированием обесценивает религию, однако теми же действиями парадоксальным образом способствует тому, что часть персонажей (герцогиня, отчасти герцог, обобщенный «народ») в той или иной мере приходит к вере или задумывается о ней. Отличительной чертой романа является повествование от первого лица, причем с большой долей авторефлексии. Главный герой — карлик Пикколино — многократно подчеркивает, что он «не шут» и не имеет ничего общего с детьми, т. е., казалось бы, отрешивается от роли трикстера. Он заявляет о своей принадлежности к «древней расе» карликов и ставит себя выше людей. На первый взгляд он может показаться даже не трикстером, а, как и считают некоторые исследователи, «средоточием зла» [13, с. 122]. Однако зла в герое не больше, чем в окружающем его мире герцогского двора, не больше, чем в парном ему герое — герцоге. Сам Пикколино не раз повторяет, что герцог не может обойтись без своего карлика [12, с. 52, 130]. Как пишет В. Неустроев, «открыто и шаржированно копируя поступки и мнения господ, скрывающих свое истинное “я”, фигляр демонстрирует двойственность их характера» [15, с. 9]. Карлик самозабвенно описывает, что носит точно такую же одежду, как и герцог, только размером поменьше: «Одеваться я стараюсь по возможности так же, как герцог: те же ткани и тот же покрой. Те обрезки, что остаются, когда ему шьется платье, используются потом для меня. У бедра я всегда ношу шпагу, как и он, только покороче. И осанка у меня, если присмотреться, такая же гордая, как у него» [12, с. 25]. Карлик — трикстер, образ-символ Тени, двойника.

Если вспомнить слова Пола Радина о том, что следует «рассматривать фигуру Трикстера как попытку человека ответить на мучающие его внутренние вопросы и решить внешние проблемы» [18, с. 9], понятными становятся объяснения Карлика его роли при дворе (т. е. в мире людей): «Да, я подмешал яду, но кто приказал мне это сделать? Да, я уготовил дону Риккардо смерть, но кто пожелал его смерти? Да, я бичевал герцогиню, но кто просил и молил

меня об этом?» [12, с. 124]. Кроме того, в Карлике есть зачатки чувств, по его собственным словам, ему непонятных: он мог бы полюбить герцогиню, не выдал бы ее под пытками [12, с. 20], хотя ненавидит ее.

Он признается, что восхищается кондотьером Боккароссой и что даже мог бы полюбить его, если бы ему довелось любить («я сказал, что если бы когда и полюбил, так только мужчину. Она обернулась, взглянула на меня и беззастенчиво расхохоталась, а вслед за ней и камеристка <...>. Я не понимал, что здесь смешного <...>. И что я могу поделать, если Боккаросса вызывает во мне самое искреннее восхищение, чувство, не лишённое, возможно, и пылкости» [12, с. 73]). Гомосексуальность — тоже черта трикстера, как и гермафродитизм (вспомнить хотя бы беременность Локи от коня Свадильфари).

Любопытна трансформация в романе характеристики трикстера как игрока, а именно восприятие Карликом серьезного и игрового: «Слово “игра” Карлик распространяет на многие виды человеческой деятельности: астрологи играют в свои звезды, герцог — в свои дела и войну, подобно тому как дети играют в свои куклы. Карлик Пикколино полагает, что только он один живет “всерьез”» [15, с. 9–10]. Интересно, что Одиссей в романе Юнсона «Прибой и берега» не столько играет сам, сколько является игрушкой в руках играющих богов («Он был не человеком, но и не богом: он был всего лишь смертной куклой в руках играющих богов» [21, с. 593]).

Карлик совершает свои злые трюки без всякой магической или божественной помощи (в отличие от мифологических трикстеров), лишь благодаря подчеркиваемой им самим наблюдательности и хитрости. Эти трюки — богохульство, убийства и разоблачения, которые люди-правители втайне желают совершить, но не всегда осмеливаются даже отдать Карлику явный приказ (так, например, герцог разыгрывает братскую любовь к своему сопернику — дону Риккардо, но даже не наказывает Пикколино за его отравление). Всякий раз после таких трюков люди начинают избегать Карлика, как будто перекладывая на него ответственность (например, за смерть влюбленных Джованни и Анджелики, разоблаченных благодаря Пикколино). То, почему люди сторонятся трикстера, описано Юнгом: «Любой из тех, кто принадлежит сфере культуры, для которой существует поиск некоего совершенного порядка в прошлом, должен почувствовать себя, по меньшей мере, странно, столкнувшись с фигурой Трикстера. Трикстер — предшественник спасителя,

и, подобно ему, он одновременно Бог, человек и животное. Он и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество...» [20, с. 276].

Действительно, в ранней экспрессионистской новелле Лагерквиста «Улыбка вечности» [26] черты трикстера легко заметить и у самого Бога. Этот Бог не однозначно христианский, а, скорее, мифологический [3, с. 148], в нем много от архаичных языческих богов, его место обитания похоже на скандинавский Хельхейм, а, как пишет Д.А. Гаврилов в своей книге о трикстерах, «чем архаичнее Бог, тем больше в нем трикстеровых черт» [7, с. 7]. На вопрос людей о том, зачем он создал этот мир, Бог-плотник из шведской деревушки вполне в духе трикстера отвечает, что просто хотел, чтобы не было пустоты. Трикстерские черты Бога в «Улыбке вечности» подчеркнуты рассказами нескольких героев из толпы мертвецов, истории жизни которых напоминают историю Христа и начинаются словами: «Я был спасителем человечества». По мнению шведского исследователя С. Клинта, в «Улыбке вечности» образ «спасителя», отрицающего жизнь, сводящего ее к мучениям и смерти, выступает в функции антипода по отношению к героям, являющимся носителями светлой и смиренной веры в жизни, простой человеческой радости [23, s. 59]. В романе Эйвинда Юнсона «Прибой и берега» античные боги, действуя через Одиссея, тоже приобретают трикстерские черты: «...они вовсе не думают о том, чтобы власть стала орудием счастья для людей, — они играют и веселятся... Это веселые, игривые слепцы, они, смеясь, играют в жмурки. А люди пылью клубятся у их ног» [21, с. 483].

Еще чаще, чем божеством, трикстер является у Лагерквиста имитацией божества. Пародией на Христа Карлик выступает в романе два раза. Первый раз — «в виде фарса», когда Пикколино одевают в епископа и заставляют причащать других карликов. Но Пикколино переигрывает и говорит то, что не посмел бы ему приказать произнести герцог: «Это ваш Искупитель! <...> Это Искупитель всех карликов и сам карлик, замученный при великом герцоге Понтии Пилате и прибитый гвоздями к своему игрушечному кресту на радость и облегчение всем людям на земле <...>. Это его, карликова, кровь, в которой отмоются все великие грехи и все черные души станут белыми как снег. <...> Я ем его тело, которое было уродливым, как ваше. На вкус оно горше желчи, ибо пропитано ненавистью» [12, с. 30]. Действие происходит на карнавале, но назвать бахтинским этот карнавал нельзя: Пикколино, назначенный епископом, не признает себя богохульником

(«Это они богохульствовали, не я» [12, с. 30]). В лагерквистовском карнавале отсутствует как минимум одна из главных черт карнавала бахтинского — универсальность («Карнавал не созерцают, — в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. <...> Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [6, с. 12]): «...карлики, разумеется, ничего не поняли. Они суетились, точно перепуганные куры...» [12, с. 30]. После этого случая Карлика даже ненадолго заковывают в кандалы: как объясняет он сам, при дворе, «мол, хотели невинно позабавиться, а я им все испортил и только расстроил и напугал гостей» [12, с. 30].

Второе выступление Пикколино в роли пародии на Христа напоминает трагикомедию. Еще после случая с переодеванием в епископа герцогиня единственная принимает Карлика всерьез: она признается Пикколино, что его литургия «произвела на нее глубокое впечатление: в ней было нечто зловещее и ужасное, затронувшее что-то в ее собственной душе» [12, с. 31]. Вполне в соответствии с логикой романа герцогиня, почувствовав перелом в своей жизни и душе после смерти любимого ею дона Риккардо, предпочитает исповедоваться не перед своим духовником, а перед Карликом, выступающим судьей хоть и комичным со стороны, но гораздо более строгим — возможно, потому, что искренне верит — не в Христа, но в то, что сам вправе судить людей: «Я сказал, что считаю ее грешной женщиной и уверен, что ей суждено вечно гореть в адском пламени. Тут она бросилась передо мной на колени и стала ломать себе пальцы, так что суставы побелели, она вопила, и причитала, и молила спасти и помирловать ее, несчастную. <...> “Исповедуйся в своих грехах!” — сказал я и сам почувствовал, что лицо у меня сделалось очень строгое» [12, с. 104]. После этого герцогиня подвергает свое тело всяческим мучениям, просит Карлика бить ее, перестает следить за собой, отказывается принимать меры для защиты от гуляющей по городу чумы и в итоге заражается и умирает.

Интересны отношения Карлика с сакральным: как уже было описано, сакральное он снижает одним своим присутствием. Но также важно то, что в непристойном Карлик может увидеть сакральное, и в этом с ним согласна не только герцогиня, но и персонаж по имени Бернардо, чрезвычай-

но схожий с исторической фигурой Леонардо да Винчи, еще один, менее явный, чем герцог, двойник Карлика: настоящий культурный герой (в гораздо большей степени, чем герцог), творец, демиург, который, впрочем, тоже не идеализируется: ему свойственна некоторая жестокость и холодность. В мифах о сотворении мира трикстер нередко выступает братом-близнецом, демонически-комическим дублером демиурга [14, с. 27]. Карлик — архетипическая Тень, двойник, близнец не только герцога — земного правителя со свойственными любому человеку пороками, но и демиурга Бернардо, одновременно злого и доброго, даже находящегося вне этого христианского противопоставления, как архаичное божество, тоже имеющее черты трикстера [7, с. 7].

Бернардо не может закончить портрет герцогини при ее жизни, говоря, что не может уловить в ней нечто важное. Сначала Карлик не понимает, что это: «...по-моему, портрет очень хорош. Он изобразил ее такой, какова она есть: стареющей шлюхой» [12, с. 45]. Но, когда Бернардо пишет новый, посмертный портрет героини в образе Мадонны, Карлик чувствует, что оба портрета правдивы. Важно, что Бернардо увидел Мадонну в порочной герцогине лишь после того, как ее буквально довел до раскаяния оскорблениями и избиениями Пикколино. Портрет Мадонны-герцогини выставляют в церкви, народ почитает его как особую икону. В связи с этим Пикколино решает, что это он и Бернардо «содействовали пробуждению в народе глубоких и искренних религиозных чувств» [12, с. 128–129], так проявляется его амбивалентное отношение к вере и религии, явная черта трикстера.

Двойничество по отношению к Христу свойственно и другим лагерквистовским трикстерам. Так, в романе «Варавва» [12; 25] заглавный герой — тень Христа. Они оба распяты, оба любимы одной женщиной — Зажьей Губой, оба находятся в сложных, символических отношениях со своими отцами — Богом и разбойником (Варавва не знал своих родителей и убил отца, став вместо него главарем разбойников). У Вараввы есть увечье (о функции «уродства» говорилось в начале статьи) — шрам, полученный в смертельной схватке с отцом; в периоды сближения Вараввы с христианством, с Христом, принявшим от своего Отца не просто шрам, а смерть, шрам становится менее заметным. Хотя Варавва всю жизнь пытается понять Христа и принять христианскую веру, ему это так и не удастся и шрам остается на его лице. Варавва, как подлинный трикстер, часто не осознает

подлинного смысла своих поступков и своей жизни: он поджигает город, думая, что помогает христианам; его распинают, а он не знает, верит ли хоть во что-нибудь. Трикстер — посредник между миром живых и миром мертвых, и Варавва трижды посещает «царство мертвых»: в первый раз он говорит о нем с Лазарем и физически ощущает экзистенциальную пустоту этого царства; ему кажется, что он сам умер и воскрес. Во второй раз Варавва попадает в преисподнюю, оказавшись на рудниках (а выйдя из них, как будто воскресает); в третий раз «царство мертвых» открывается ему в подземном кладбище на Аппиевой дороге в Риме: здесь он открывает собственную душу как царство мертвых [16, с. 77], как и Одиссей в «Прибое и берегах» Юнсона, где автор явно сознательно интерпретирует преисподнюю в юнгианском ключе, как «преисподнюю души», место обитания страхов и комплексов Одиссея. Тиресий в романе Юнсона выполняет функцию самосознания героя: не случайно он не может предсказать Одиссею ничего такого, чего Одиссей бы не знал сам.

Таким образом, трикстер в шведском модернистском романе-мифе (в частности, в романе «Карлик» Пера Лагерквиста) существенно отличается от трикстеров в фольклоре, в античной и средневековой литературе. Трикстеры модернистских романов больше не действуют неосознанно, будто дети (как пишет о трикстерах Юнг [20, с. 276]); наоборот, они проявляют высочайшую степень авторефлексии. «Карлик» полностью написан от лица трикстера, в «Прибое и берегах» и «Сивилле» трикстерам надолго предоставляется слово. Так, большее осмысление со стороны Одиссея получает полудобровольное заточение у Калипсо. Свое вожделение к Калипсо Одиссей оценивает как средство бегства от реальности, как нечто постыдное, преступное: «Нехотя и похотливо, с омерзением и сладострастием, с возбужденным телом и вялой душой залезал он в ее широкую постель. И ради этого я воевал, думал он после» [21, с. 27]). Подлинный трикстер, бессмертный (по крайней мере в романе «Сивилла»; в более поздней «Смерти Агасфера» [24] Лагерквист показывает конец его пути) Агасфер много думает и рассказывает о своем бессмертии и о своих отношениях с Богом, ищет ответы на вопросы о своей судьбе и своей связи с Богом повсюду, даже у пифии (полоумный сын которой, рожденный то ли от Аполлона-Диониса, то ли от простого смертного, тоже бог-трикстер, еще один двойник Христа) [1, с. 15].

Еще в большей степени, чем в предшествующей литературе, модернистский трикстер служит поиску ответов на вечные вопросы: теперь он сам находится в активном поиске истины. Так, например, в романе Лагерквиста «Пилигрим в море» [28] чертами трикстера обладает Джованни — священник, ставший пиратом. Его фигура, как и фигуры многих героев Лагерквиста, внутренне противоречива [31, р. 71] — известная черта трикстера. Он стал любовником благочестивой женщины, обманув ее, в темноте притворившись юношей из её религиозной фантазии. Однако над его судьбой Лагерквист не смеется: напротив, с его помощью, как с помощью других трикстеров, он ищет ответы на самые серьезные вопросы о том, что есть Бог, истина, вера, любовь [2].

Шведские романы-мифы — мениппеи в том смысле, что это философские романы «последних вопросов» [5, с. 130], для которых характерна «диалогичность в подходе к человеческой жизни и к человеческой мысли» [5, с. 135]. В контексте мрачного колорита романов смеховая сторона трикстеров редуцируется до крайности, зато все чаще через них оказывается выражена злободневность (в конце романа «Карлик» заглавный герой выражает уверенность, что скоро будет освобожден из своего заточения, что злу еще понадобится столь ловкий помощник [12, с. 130]). Со злободневностью романов, в основе своей философских, связано и усиление могущества трикстеров: теперь им не нужна магия для трюков, возможно, потому, что сами люди, по мнению авторов, готовы помогать им.

Коротко сформулировать основные черты нового, модернистского трикстера на основании анализа романа «Карлик», а также некоторых элементов других романов Пера Лагерквиста и романа Эйвинда Юнсона «Прибой и берега» можно так: это трикстер несмешной, рефлексирующий и ищущий ответы на философские вопросы. Безусловно, для того, чтобы полностью понять изменение роли трикстера в романе-мифе по сравнению с трикстером в фольклоре и средневековой литературе, необходимы дальнейшие исследования модернистских трикстеров на материале других романов.

Список литературы

- 1 *Андрейчук К.Р.* Взаимодействие античных и христианских символов в романе П. Лагерквиста «Сивилла» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 7 (73). Часть 3. С. 15–18.
- 2 *Андрейчук К.Р.* К вопросу о религиозности Пера Лагерквиста // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 198–210.
- 3 *Андрейчук К.Р.* Символы в новелле Пера Лагерквиста «Вечная улыбка» // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. 2014. № 6. С. 145–159.
- 4 *Андрейчук К.Р.* Трансформация христианских мотивов и образов в романах «Варавва» П. Лагерквиста и «Бесы» Ф. Достоевского // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 103–112.
- 5 *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300, 466–505.
- 6 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- 7 *Гаерилов Д.А.* Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
- 8 *Гаерилов Д.А.* Царь трикстеров Одиссей // Реальный Мир. М., 2006. № 1. С. 198–210.
- 9 *Кобленкова Д.В.* Миф в шведской прозе XX века и проблема «Нобелевского формата» // Вестник ННГУ. 2012. № 1–2. С. 100–105.
- 10 *Кобленкова Д.В.* Метафоры роста: карлики в шведской литературе XX века // Вестник ННГУ. 2014. № 2–2. С. 191–194.
- 11 *Корнилова Е.Н., Кузнецов А.С.* Черты трикстера в образе протагониста романа Г. Грасса «Жестяной барабан» // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы XI международной научно-практической конференции. М.: НИЦ «Академический», 2017. С. 154–158.
- 12 *Лагерквист П.* Избранное: сб. / пер. с швед. М.: Прогресс, 1981. 448 с.
- 13 *Мацевич А.А.* Шведская литература от 1880-х годов до конца XX века. Словарь-справочник. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 312 с.
- 14 *Мелетинский Е.М.* Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1982. Т. 2. С. 25–28.
- 15 *Неустров В.П.* Художник-мыслитель // *Лагерквист П.* Избранное: сб. / пер. с швед. М.: Прогресс, 1981. С. 5–15.
- 16 *Полушкин А.С.* Жанр романа-антимифа в шведской литературе 1940–1960-х гг. (на материале произведений П. Лагерквиста и Э. Юнсона): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 255 с.
- 17 *Полушкин А.С.* Мотив уродства/увечья как катализатор агрессии мира по отношению к человеку в шведском романе-антимифе 50–60-х годов XX в. // Речевая агрессия в современной культуре: сб. науч. тр. / под общ. ред. М.В. Загидуллиной.

Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005. С. 217–223.

- 18 *Радин П.* Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
- 19 *Руссо Дж.* Юнгианский анализ гомеровского Одиссея // Кембриджское руководство по аналитической психологии / под ред. П. Янг-Айзендрат и Т. Даусон. М.: Добросвет, 2000. С. 363–385.
- 20 *Юнг К.Г.* О психологии образа Трикстера // *Радин П.* Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 265–286.
- 21 *Юнсон Э.* Прибой и берега. М.: Радуга, 1988. 654 с.
- 22 *Johnson E.* Strändernas svall. En roman om det närvarande. Viborg: Albert Bonniers Forlag, 2004. 440 s.
- 23 *Klint S.* Den expressionistiska Jesusgestalten i P. Lagerkvists tidiga produktion // *Spenglingar: Svensk 1900-tallslitteratur i möte med biblisk tradition* / red. S. Klint, K. Syreeni. Skellefteå, 2001. S. 50–71.
- 24 *Lagerkvist P.* Ahasverus död. Stck.: Bonnier, 1965. 159 s.
- 25 *Lagerkvist P.* Barabbas. Stck.: Bonnier, 1950. 206 s.
- 26 *Lagerkvist P.* Det eviga leendet. Stck.: Bonier, 1969. 85 s.
- 27 *Lagerkvist P.* Dvärgen. Stck.: Bonnier, 1944. 284 s.
- 28 *Lagerkvist P.* Pilgrim på havet. Stck.: Bonnier, 1962. 186 s.
- 29 *Lagerkvist P.* Sibyllan. Stck.: Bonnier, 1956. 222 s.
- 30 *Spector R.D.* Lagerkvist's Uses of Deformity // *Scandinavian studies*. 1961. № 33. P. 209–217.
- 31 *Sunden H.* Tobias's pilgrimage // *Scandinavica. An international journal of Scandinavian studies* / red. Elias Bredsdorf. Supplement. Special issue devoted to the work of P. Lagerkvist / ed. Sven Linner. 1971. P. 69–80.

References

- 1 Andreichuk K.R. Vzaimodeistvie antichnykh i khristianskikh simvolov v romane P. Lagerkvista "Sivilla" [Interaction of ancient and Christian motives in P. Lagerkvist's novel *The Sybil*]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2017, no 7 (73), part 3, pp. 15–18. (In Russ.)
- 2 Andreichuk K.R. K voprosu o religioznosti Pera Lagerkvista [On P. Lagerkvist's religiosity]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2017, no 2, pp. 198–210. (In Russ.)
- 3 Andreichuk K.R. Simvol'y v novelle Pera Lagerkvista "Vechnaia ulybka" [Symbols in P. Lagerkvist's short story "The Eternal Smile"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2014, no 6, pp. 145–159. (In Russ.)
- 4 Andreichuk K.R. Transformatsiia khristianskikh motivov i obrazov v romanakh "Varavva" P. Lagerkvista i "Besy" F. Dostoevskogo [Transformation of Christian motives and characters in P. Lagerkvist's novel *Barabbas* and F. Dostoevsky's novel *The Possessed*]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2017, no 1, pp. 103–112. (In Russ.)
- 5 Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. *Bakhtin M.M. Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.] Moscow, Russkie slovari: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, vol. 6, pp. 7–300, 466–505. (In Russ.)
- 6 Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [François Rabelais and folklore culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
- 7 Gavrilov D.A. *Trikster. Litsedei v evroaziatskom fol'klоре* [Trickster. Performer in Eurasian folklore]. Moscow, Sotsial'no-politicheskaiia mysl' Publ., 2006. 239 p. (In Russ.)
- 8 Gavrilov D.A. Tsar' triksterov Odissei [Odysseus, the tricksters' king]. *Real'nyi Mir*. Moscow, 2006, no 1, pp. 198–210. (In Russ.)
- 9 Koblenkova D.V. Mif v shvedskoi proze XIX veka i problema "Nobelevskogo formata" [Myth in Swedish prose of the 19th century and the problem of "Nobel format"]. *Vestnik NNGU*, 2012, no 1–2, pp. 100–105. (In Russ.)
- 10 Koblenkova D.V. Metafor'y rosta: karliki v shvedskoi literature XIX veka [Metaphors of height: dwarfs in the Swedish literature of the 19th century]. *Vestnik NNGU*, 2014, no 2–2, pp. 191–194. (In Russ.)
- 11 Kornilova E.N., Kuznetsov A.S. Cherty trikstera v obraze protagonista romana G. Grassa "Zhestianoii baraban" [The trickster's features of the main character in G. Grass' novel *The Tin Drum*]. *Aktual'nye napravleniia fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniia. Materialy XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical areas of basic and applied research. Proceedings of the XI international scientific and practical conference]. Moscow, NITs "Akademicheskii" Publ., 2017, pp. 154–158. (In Russ.)

- 12 Lagerkvist P. *Izbrannoe: sb.* [Selected works: collection], transl. from Swedish. Moscow, Progress Publ., 1981. 448 p. (In Russ.)
- 13 Matsevich A.A. *Shvedskaia literatura ot 1880-kh godov do kontsa XX veka. Slovar'-spravochnik* [Swedish literature from the 1880s until the end of the 20th century: a guide]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013. 312 p. (In Russ.)
- 14 Meletinskii E.M. Kul'turnyi geroi [Cultural hero]. *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the world's nations. Encyclopedia]. Moscow, 1982, vol. 2, pp. 25–28. (In Russ.)
- 15 Neustroev V.P. Khudozhnik-myslitel' [The artist and the thinker]. *Lagerkvist P. Izbrannoe: sb.* [Selected works: collection], transl. from Swedish. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 5–15. (In Russ.)
- 16 Polushkin A.S. *Zhanr romana-antimifa v shvedskoi literature 1940–1960-kh gg. (na materiale proizvedenii P. Lagerkvista i E. Iunsona): dis. ... kand. filol. nauk* [Anti-myth novel genre in the Swedish literature of the 1940–1960s (based on P. Lagerkvist's and E. Johnson's works. PhD thesis]. Cheliabinsk, 2008. 255 p. (In Russ.)
- 17 Polushkin A.S. Motiv urodstva / uvech'ia kak katalizator agressii mira po otnosheniiu k cheloveku v shvedskom romane-antimife 50–60-kh godov XX v. [The motif of ugliness / deformity as a catalyst for the aggression towards a human being in the Swedish anti-myth novel of the 1950s and 1960s]. *Rechevaia agressiia v sovremennoi kul'ture: sb. nauch. tr.* [Speech aggression in modern culture: collection of articles], ed. by M.V. Zagidullina. Cheliabinsk, Cheliab. gos. un-t Publ., 2005, pp. 217–223. (In Russ.)
- 18 Radin P. *Triksster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev s kommentarii* K.G. Iunga i K.K. Keren'i [The trickster: A study in Native American mythology, comm. by C.G. Jung and Karl Kerenyi]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1999. 288 p. (In Russ.)
- 19 Russo Dzh. Iungianskii analiz gomerovskogo Odisseia [A Jungian analysis of Homer's *Odyssey*]. *Kembridzhskoe rukovodstvo po analiticheskoi psikhologii* [The Cambridge companion to Jung], eds. by P. Iang-Aizendrat i T. Dauson. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, pp. 363–385. (In Russ.)
- 20 Iung K.G. O psikhologii obraza Trikstera [On the psychology of the trickster figure]. *Radin P. Triksster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev s kommentarii* K.G. Iunga i K.K. Keren'i [The Trickster: A study in Native American mythology, comm. by C.G. Jung and Karl Kerenyi]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1999, pp. 265–286. (In Russ.)
- 21 Iunson E. *Priboi i berega* [The surge of the shores]. Moscow, Raduga Publ., 1988. 654 p. (In Russ.)
- 22 Johnson E. *Strändernas svall. En roman om det närvarande* [Return to Ithaca: The Odyssey retold as a modern novel]. Viborg, Albert Bonniers Publ., 2004. 440 p. (In Swedish)
- 23 Klint S. Den expressionistiska Jesusgestalten i P. Lagerkvists tidiga produktion [The expressionist Jesus figures in P. Lagerkvist's early works]. *Speglingar: Svensk*

- 1900-tallslitteratur i möte med biblisk tradition, red. S. Klint, K. Syreeni [Reflections: Swedish 20th century literature meeting the Biblical tradition, ed. by S. Klint, K. Syreeni]. Skellefteå, 2001, pp. 50–71. (In Swedish)
- 24 Lagerkvist P. *Ahasverus död* [The Death of Ahasuerus]. Stockholm, Bonniers Publ., 1965. 159 p. (In Swedish)
- 25 Lagerkvist P. *Barabbas* [Barabbas]. Stockholm, Bonniers Publ., 1950. 206 p. (In Swedish)
- 26 Lagerkvist P. *Det eviga leendet* [The Eternal Smile]. Stockholm, Bonniers Publ., 1969. 85 p. (In Swedish)
- 27 Lagerkvist P. *Dvärgen* [The Dwarf]. Stockholm, Bonniers Publ., 1944. 284 p. (In Swedish)
- 28 Lagerkvist P. *Pilgrim på havet* [Pilgrim at Sea]. Stockholm, Bonniers Publ., 1962. 186 p. (In Swedish)
- 29 Lagerkvist P. *Sibyllan* [The Sybil]. Stockholm, Bonniers Publ., 1956. 222 p. (In Swedish)
- 30 Spector R.D. Lagerkvist's Uses of Deformity. *Scandinavian studies*, 1961, no 33, pp. 209–217. (In English)
- 31 Sunden H. Tobias's pilgrimage. *Scandinavica. An international journal of Scandinavian studies*, red. Elias Bredsdorf. *Supplement. Special issue devoted to the work of P. Lagerkvist*, ed. by Sven Linner. 1971, pp. 69–80. (In English)